

ФОТОГРАФИЯ ИВАНДИКОВА

Вет. календарь - 2002 - 17 окт - с. 27

ЯПОНСКИЕ МОЧАЛКИ И КОНКУРСНАЯ ГРЯЗЬ

В БЗК прошли очередные абонементные концерты из цикла «Владимир Крайнев приглашает».

— Что для вас сейчас важнее в жизни: концертная деятельность, преподавание или организаторские заботы?

— Сейчас, безусловно, я — педагог. Как исполнитель свое слово за сорок лет я уже сказал — вдоволь наговорился. А как педагог только вошел в отрочество: мне всего пятнадцать лет ... (выразительная пауза) педагогического стажа.

— Но в Московской консерватории вы не преподаете...

— Я преподавал в 1987 — 1994 годах. А теперь подписал постоянный контракт с Германией и не имею права больше нигде работать — для этого я должен порвать с Ганновером. Меня приглашали и Джульярдская школа, и Венская академия. Но вот уже десять лет я государственный служащий Германии и, в некотором смысле, сам себе не хозяин.

— И вас это устраивает? Видимо, ради жизни в Германии можно чем-то и пожертвовать...

— Там очень спокойно: быт налажен, жизнь размеренная, нет никаких особых проблем. Когда я там нахожусь, то с утра до вечера отдан школе и своим детям. Прихожу домой — и абсолютный отдых...

На вопрос, почему уехал из Москвы, всегда отвечаю так: потому что создал Благотворительный фонд помощи юным пианистам. Если бы я остался здесь, то нужно было бы создать Фонд помощи Владимиру Крайневу — это уже смешно. Или я должен был бы, как вся наша бедная московская профессура, бегать по мастер-классам для того, чтобы существовать нормально. Зарплата профессора консерватории в 2-3 тысячи рублей — это унижительно! Но при этом я считаю, что школа у нас все равно замечательная и есть у кого поучиться — даже у той профессуры, которая «бегает».

— Вы были председателем жюри последнего Международного конкурса имени Чайковского. И неоднократно высказывали мысль, с которой многие не согласны, — что со времен 1970 года, когда вы заняли первое место, уровень конкурса не упал...

— Нет, не упал. Другое дело, что 1970 год был уникальным. Это был год столетия Ленина, и Центральный Комитет партии постановил: все первые премии должны быть у советских. Для этой цели собрали звездный состав, особенно у скрипачей: Кремер, Спиваков, Исакадзе, Корсаков, Гринденко... И у пианистов — Постникова, Сивидов, Петру-

Выдающийся пианист Владимир Крайнев, ученик Генриха и Станислава Нейгаузов, победитель IV Международного конкурса Чайковского, бывает в Москве нечасто. Вот уже десять лет, как он постоянно живет в Германии и преподаёт в Ганноверской Высшей школе музыки театра. Кроме того, он член жюри многих международных конкурсов, инициатор и организатор Международного конкурса молодых исполнителей, основатель Фонда помощи юным музыкантам. Поэтому поймать мастера в его московской квартире, расположенной в огромном сталинском доме на Ленинградском проспекте, оказалось делом нелегким. Но все же это случилось.

шанский. На последнем конкурсе таких звезд, к сожалению, не было. Но общий уровень достаточно высокий.

— Впервые в истории конкурса первую премию получила женщина...

— У нас было много нового: первую премию не только впервые завоевала женщина, но впервые — Япония. Была очень расширена конкурсная программа. Кроме того, после долгих обсуждений я убедил жюри принять систему «Да — Нет». Мне кажется, она уменьшает возможности манипуляций. Хотя, если есть сговор, манипуляции все равно будут.

— Кстати, о сговорах. Был неприятный момент с Элисо Вирсаладзе, которая отказалась подписывать итоговое решение жюри...

— Как ни странно, деньги она не отказалась получить — это меня удивило. Она должна была быть принципиальной до конца: если ты отказываешься от своей работы — откажись тогда и от гонорара.

Решение жюри было коллегиальным, а не личным капризом Крайнева, который «выкрутил всем руки». Элисо Константиновна, к сожалению, повела себя не как член жюри, а

как педагог, обиженный за своих учеников. У нее на конкурсе играло шесть человек, из них ни один не стал лауреатом. Вирсаладзе можно было бы понять, если бы речь шла о консерваторских экзаменах, а не о международном конкурсе.

— Несмотря на все подобные неприятные истории, вы очень активно участвуете в работе жюри различных конкурсов. Вы считаете участие в подобных соревнованиях полезным для молодых музыкантов?

— Конкурсы не полезны, скорее, даже наоборот. Но другого пути выхода на эстраду у нас нет. Я не знаю никого, кроме Кисина и скрипача Рахлина, которые без конкурсов попали бы на большую сцену. И своих учеников я готовлю к конкурсам.

— Почему тогда в конкурсе Чайковского не участвовали ваши лучшие, «звездные» ученики — например, Игорь Четуев?

— Пока, я считаю, он психологически не созрел для этого. В свое время, когда я сам участвовал в конкурсе имени Чайковского, я заявил прессе, что купил много мыла и специальные японские мочалки, чтобы оттираться от конкурсной грязи. И теперь, став педагогом, не хочу травмировать талантливых детей в начале их творческого пути.

— На октябрьских концертах вы будете выступать с оркестром Александра Рудина, известного виолончелиста. Как вы относитесь к дирижерам — исполнителям? Таким, как Плетнев, Спиваков, Башмет, теперь Герингас...

— Да, сейчас такое совмещение очень модно, но это никакого отношения к подлинному дирижированию не имеет. Мода пошла еще от Ойстраха и Ростроповича. Но к ним все равно относятся не как к дирижерам, а как к выдающимся музыкантам, которые встали за пульт. Конечно, все, кого вы назвали, достойны выйти на сцену и рассказать музыкантам, что они видят в том или ином произведении. Но Мравинский и Караян ничего не рассказывали. У дирижера должна быть такая же техника, как на скрипке, фортепиано, виолончели.

— Итак, за дирижерским пультом мы вас не увидим?

— Я все-таки предпочитаю «рассказывать», сидя за роялем, а не выходить и беспомощно двигать руками.

Беседовала
Ольга БЕЛАЯ